

Однако, поблагодарив за милость, Вдовствующая императрица не позволила ему уйти.

— Я вижу, Юй понравилась — прекрасна внешне и умна внутри, способна на великие дела, император, — она взглянула на своего сына и намекнула. — На позиции императрицы уже пора кого-то определить.

Цзи Цинбай испугался так, что у него волосы встали дыбом. Он уже собирался пасть на колени, но неожиданно его нынешний отец внизу опустился быстрее.

— Вдовствующая императрица, моя дочь ещё слишком молода, как же она может взять на себя ответственность за внутренние покои? Более того, Его Величество, будучи правителем государства, должен найти ту, кто будет по сердцу, чтобы быть вместе до седых волос. Скромная внешность моей дочери недостойна Священного двора.

Цзи Цинбай рядом едва не закивал головой до земли.

Вдовствующая императрица, видимо, тоже почувствовала, что несколько перегибает палку.

— Это...

— Кто сказал, что она недостойна Священного двора?

Цзи Цинбай резко поднял голову. Тань Чжан, казалось, не придавал значения своим словам. Возможно, он только что выпил вина, кончик языка скользнул по влажным губам. Он слегка наклонил голову, а красный лепесток лотоса под левым глазом распустился буйно.

— Мне ты нравишься, — глядя в глаза Цзи Цинбаю, Тань Чжан улыбнулся, но выражение лица стало холодным.

Он легко махнул рукой, словно смахивая пыль.

— Завтра ты войдёшь во дворец.

Войти во дворец означало именно то, что и сказано.

Цзи Цинбай разрывался между мыслями: войти во дворец как наложница или как служанка? Конечно, была и вероятность, что Тань Чжан просто хочет его убить, решив позвать во дворец, чтобы позабавиться, казнив.

Стать императрицей было невозможно. Прошли десятки тысяч лет, а они так и не стали парой небожителей, так как же могли стать мужем и женой за одну человеческую жизнь? Было бы слишком страшно, если бы это случилось.

Пока Цзи Цинбай предоставил свою жизнь судьбе, первому министру Цзи Мину было немногим лучше.

Его поздравляли с тем, что дочь входит во дворец, в будущем родит Императору Цзинфэну сына или дочь, а он, как будущий тесть императора, сделает свою карьеру ещё более гладкой. Только он сам знал, что Цзи Юй отправляют во дворец в качестве заложницы. Маленький император снова нащупал его больное место, заставляя его усердно трудиться на благо государства.

Но что можно было поделаться? Пришлось отправлять Цзи Юй.

Цзи Цинбай недолго собирался с духом, собрал узелок и отправился во дворец с служанкой.

Хотя официального статуса не было, Тань Чжан выделил ему дворец под названием Павильон Кошмаров. Цзи Цинбай был очень рад: в конце концов, за десятки тысяч лет в Обители Будды у него не было собственного зала, а в мире людей он вдруг стал владельцем жилья.

Поскольку вещей было немного, а Павильон Кошмаров не был каким-то забытым местом, Цзи Цинбаю и служанке почти не пришлось убираться. Они привели всё в порядок, и служанка пошла готовить для Цзи Цинбая лекарство.

Цзи Цинбай же снова вынес стул во двор, чтобы погреться на солнце.

Вскоре лекарство было готово.

Цзи Цинбай очень не хотел его пить и спросил.

— Как долго ещё нужно будет это пить?

Служанка улыбнулась.

— Это лекарство тонизирует. Госпоже лучше пить его постоянно.

Цзи Цинбай вздрогнул от этого обращения госпожа и, потягивая лекарство, пробормотал.

— Я ещё не госпожа, не называй меня так зря.

Служанка, улыбаясь, сказала.

— Раз госпожа уже во дворце, как можно не называть вас госпожой? Рано или поздно это случится, так что начать называть заранее — не ошибка.

Цзи Цинбай сложно посмотрел на неё, очень желая сказать, что такой сюжет слишком похож на дворцовые интриги, и в пьесах подобные служанки умирают рано.

Тань Чжан, похоже, не очень помнил, что во дворце появился такой человек, как Цзи Цинбай. К счастью, евнух-управляющий при нём не забыл. Главным образом потому, что с момента восшествия Императора Цзинфэна на престол это была первая женщина, вошедшая во внутренние покои, да ещё и дочь из дома первого министра. Евнухам было трудно забыть.

Поэтому, как только император закончил трапезу, кто-то сразу поднёс табличку с именем Цзи Юй.

Тань Чжан бесстрастно смотрел на красный шёлк на подносе.

Главный евнух, склонив голову, почтительно произнёс.

— Во дворце наконец-то появилась госпожа. Пожелает ли император призвать её сегодня ночью?

Тань Чжану, казалось, это показалось забавным, и он спросил.

— Зачем призывать её?

Евнух очень хотел сказать несколько лестных слов о разделении дождевой росы или

продолжении рода, но, вспомнив обычное поведение императора, подумал, что если скажет, то Цзи Юй немедленно прикажут хорошенько вымыться и перерезать себе горло.

Тань Чжан играл красным шёлком на подносе. Он словно чем-то пресытился, подперев голову другой рукой. Евнух, стоявший на коленях на полу, не смел ни удалиться, ни заговорить снова, пока красный шёлк не был сброшен Тань Чжаном на пол. Голос императора прозвучал ровно, без радости или гнева.

— Привести её сюда.

Конечно, Цзи Цинбай в Павильоне Кошмаров не знал, какую головокружительную перемену судьбы ему предстоит пережить. Он только что помылся, был лишь в нижнем халате, когда ворвавшиеся евнухи и служанки завернули его в одеяло.

Под этим нижним халатом ничего не было. Хотя это и не его собственное тело, но такой уровень откровенности был уже чересчур?

Придворные не обращали внимания на его реакцию и прямо понесли человека в покои императора. Цзи Цинбай, подняв голову, увидел три иероглифа Чертог Юйлун и, связав это с окружающей обстановкой, начал глубоко задумываться: Тань Чжан хочет с ним переспать или убить?

Хотя Чертог Юйлун и был императорскими покоями, он был настолько огромным, что это полностью противоречило логике. По опыту чтения пьес Цзи Цинбая, это место идеально подходило для того, чтобы император и наложницы бегали друг за другом, развивая чувства.

Но сейчас император сидел на кровати, без малейшего намерения бегать или развивать чувства со своей наложницей.

Цзи Цинбай, закутанный в одеяло, стоял на коленях на полу. Вода после купания на нём ещё не высохла, было липко, а нижний халат обтягивал две тяжёлые груди.

Тань Чжан смотрел на него сверху вниз.

Цзи Цинбай понял, что даже после десятков тысяч лет общения с этим человеком, в этот момент он не мог постичь, о чём тот думает.

Неизвестно, сколько времени прошло. Тёплый нефрит Чертога Юйлун почти высушил Цзи Цинбая.

Император, сидевший на кровати, наконец пошевелился.

Тань Чжан босиком подошёл к Цзи Цинбаю и неожиданно пнул его вместе с одеялом на пол. Сила была невелика, но Цзи Цинбай не мог сразу же сесть. Он лишь почувствовал тяжесть на плече — Тань Чжан наступил ему на шею рядом.

Ступни императора были чистыми, настолько белыми, что виднелись синие сосуды. Все десять пальцев были полными, даже ногти прозрачными.

— Почему ты тогда не умер? — голос Тань Чжана прозвучал над головой Цзи Цинбая.

Он, казалось, нашёл это забавным, и в голосе зазвучала усмешка.

— Раз не умер, так почему же за столько лет снова не стал дурачком?

Цзи Цинбай на мгновение не знал, стоит ли сейчас говорить правду.

На самом деле, даже если бы он сказал Тань Чжану, что тот здесь, чтобы пройти испытание, а он здесь, чтобы помочь ему его пройти, не убивай меня, я буду служить тебе комфортно и заботливо, это не повлияет на твоё испытание, это бы не помогло. В конце концов, он — Почтенный Будда, превзошедший шесть миров. Есть только то, что он сам хочет, что ему нравится, что его радует; он может нести карму, но его судьба никоим образом не может повлиять на него.

Но сейчас большая проблема была не в том, как испытание или судьба Почтенного Будды повлияют на него, а в том, что, что бы Цзи Цинбай ни говорил, Тань Чжан ему попросту не поверит.

И говори он или нет, это не мешает императору убить его прямо сейчас.

Цзи Цинбай подумал, что разве легко ему? Я спустился в мир людей ради своего начальника, превратиться в девушку с большой грудью ещё можно перетерпеть, но теперь ещё нужно беспокоиться, умру я сегодня или завтра? Это же не та жизнь, которую могут прожить небожители!

Слишком тяжело. Очень тяжело.

Увидев, что Цзи Юй молчит, Тань Чжан слегка прищурился. Когда у него не было приступов, красная родинка в виде лотоса в уголке глаза была бледной, нежно-розовой, лепестки распускались изящно и мягко, добавляя игривости взгляду.

— Говори, — Тань Чжан слегка надавил ногой на плечо Цзи Цинбая.

Последний, будучи в облике слабой девушки, не выдержал. Цзи Цинбая почти придавило к полу, он не мог пошевелиться.

Тань Чжан усмехнулся. На самом деле, ему было не важно, что именно скажет Цзи Юй. Ему просто показалось занятным, но, наигравшись, он пресытился. С отвращением на лице он убрал ногу и скомандовал.

— Войти!

Цзи Цинбай вздрогнул, опасаясь, что следующей фразой Тань Чжана будет вытащить и казнить. Он немедленно отбросил все мысли. В конце концов, смерть есть смерть, лучше рискнуть, выложившись по полной!

Тань Чжан лишь почувствовал, как его лодыжку внезапно обхватили. Бровь его дёрнулась. Он посмотрел вниз и увидел, что Цзи Юй всем телом повисла на его ноге.

Причина, по которой Цзи Цинбай знал, что этот приём сработает, заключалась в том, что когда-то в Обители Будды он уже вызывал гнев Тань Чжана.

В первые сто лет после вхождения в божественные земли Цзи Цинбай оставил мирскую суету, стал подобен невинному ребёнку. Его истинная сущность была Пожирателем снов — жадным до еды, любящим поспать, никогда не заботящимся о том, чтобы быть богом. Позже его призвали в Обитель Будды, чтобы питать божественное море Безмерного, но он и этому не придавал значения. Через месяц Тань Чжан спустился с лotosового трона, долго искал своего моего, но не нашёл. Впервые в жизни он так разозлился, что рассмеялся.

<http://bllate.org/book/15582/1387534>